

ЧАСТЬ 2

В лесу под Вологдой. На смертный бой. Первое испытание. Взрыв в блиндаже. Вместе с поляками. Гибель комдива. Орша наша. Минский котел. «Стыдно говорить». Сычев-проньера. Комбат Макаров. Сувалки. На немецкой земле. В «мешке». Цинтен. У залива Фриш-Гаф. Хайлигенбайль взяли! «Гитлер капут!» В Чехословакии. Ночной звонок. Домой!

И вот я снова в армии. Из Онеги до станции Обозерской едем на автомашинах. В Вологду поездам, а затем в запасной полк, расположенный вблизи льнокомбината. Здесь проходим строевую подготовку, изучаем винтовку, противогаз. Через некоторое время грузимся в «телячьи» вагоны и едем до станции Кушуба. От станции пешком в лес. На лесной поляне началось распределение. Когда очередь дошла до меня, офицер спросил:

– Какая у вас специальность, кем работали?
– Закончил школу ФЗУ, работал бондарем, мастером.
– Бондаря нам не нужны. Еще где работали?
– Связистом немного работал, знаю телефон. Занимался ремонтом линий связи.

– Идите направо. Вот в ту колонну, – и он показал взмахом руки, куда идти.

Когда закончилась сортировка, к нашей небольшой группке подошел старший сержант высокого роста и сказал:

– Пойдем со мной, связисты. Станьте в строй по два человека. Здесь будем ходить только строем. Шагом марш!

Тут же, совсем рядом, землянка. Под снегом ее почти не видно, выдает входная дверь да труба от печки. Входим внутрь. Ширина казармы метров пять, длина не менее тридцати. Посредине углубление, а по бокам повыше. Это место для отдыха и сна. В углу печурка. В этой казарме-землянке размещалась рота связистов: телефонисты, радисты, морзисты. Спали вповалку, для девушек в конце казармы был отгорожен уголок из плащ-палаток. Вместо матрацев спали на плащ-палатках, укрывались шинелями, в общем

никаких постельных принадлежностей и белья не было. На угоре таких как наша землянка было много. Люди прибывали каждый день, в лесу становилось всё многолюдней.

Ко второй половине 1942 года обстановка на фронте была крайне напряженной. Немецко-фашистские армии находились в 150–200 км. от Москвы, держали в блокаде Ленинград, оккупировали Донбасс и богатейшие районы Дона, Кубани и северного Кавказа. Вооруженные силы СССР продолжали вести борьбу один на один против гитлеровской коалиции. Западные правительства не выполняли своих обещаний по открытию второго фронта. Страна готовила резервы для армии, тыл обеспечивал фронт боевой техникой, боеприпасами, продовольствием, людскими резервами, проводилось формирование новых частей. По решению Ставки Верховного Главнокомандования в этом лесу, около станции Кушуба Вологодской области, началось формирование 135 отделения Вологодской стрелковой бригады – ее рождение.

Командир нашей бригады – полковник Зайцев М.И., начальник политотдела – подполковник Косачев А.И., начальник штаба – майор Блинов В.Г. Областная партийная организация, советские органы и общественные организации области принимали активное участие в формировании бригады личным составом, в обеспечении ее боевым имуществом, транспортом, обмундированием и снаряжением. Многие партийные, советские и профсоюзные работники города Вологды и Вологодской области стали командирами и политработниками в частях бригады.

Командир бригады – опытный офицер, воспитатель и педагог, до прибытия в бригаду был начальником пехотного училища. Он быстро завоевал авторитет у командиров, сержантов и красноармейцев. Большинство личного состава не было на фронте. Поэтому с самого начала обратили внимание на боевую и политическую подготовку, на изучение опыта Отечественной войны, используя для этого имеющихся участников войны. Мы, связисты-телефонисты, изучали телефонные аппараты, коммутатор, учились прокладывать полевою связью кабелем, изучали схему связи штаба, ведь нам, штабному взводу, придется всегда и везде обслуживать связью штаб бригады и в первую очередь комбрига.

У нас в роте, как и во всех подразделениях, был участник Отечественной войны – старший сержант Муркулов. Он проводил

занятия, он же и рассказывал о боях, в которых участвовал и был ранен. На груди он носил медаль «За отвагу». Как мы все, еще не побывавшие в боях, завидовали ему! Хотелось поскорей на фронт – отличиться и получить награду.

Сидим мы в землянке, изучаем аппаратуру, а на дворе мощно гремит песня:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная –
Священная война!

Песню «Священная война» знали все. Ее пели в казармах, в походе, везде. Это была любимая песня нашего народа, песня-марш. У нас в штабном взводе тоже был запевала, побывавший на фронте – Коля Мартемьянов. Пел он уверенно, сильно, красиво:

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать!
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

В конце марта 1943 года 135 отдельная Вологодская стрелковая бригада была переброшена в Мытищинский район Московской области и расквартирована в дачных поселках Тарасовка и Черкизово. Там тоже продолжалась учеба, совершенствование боевой выучки. В конце апреля 1943 года бригада, погрузившись в железнодорожные эшелоны на станции Мытищи, выбыла в распоряжение Западного фронта. Прибыв в район города Старица Калининской области, из двух бригад – 150 отдельной стрелковой и 135 отдельной Вологодской стрелковой – была сформирована 173 стрелковая дивизия.

150 отдельная стрелковая бригада, сформированная в Средней Азии в городе Байрам-Али Туркменской ССР, в декабре 1941

года до организации дивизии прошла славный боевой путь. Бригада вступила в бой 4 августа 1942 года в районе г. Волоколамска, участвовала в прорыве вражеской обороны в районе города Карманово Смоленской области, в ожесточенных боях при форсировании реки Вазузы под деревней Хлепень Сычевского района и в апрельских боях 1943 года по освобождению городов Сычевка, Вязьма, Издешково, районного центра Андреевское, форсировании верховьев Днепра восточнее города Дорогобужа Смоленской области. Командовал бригадой полковник Подберезин И.М. За время боев личный состав бригады накопил большой боевой опыт, которого не хватало личному составу 135 бригады. Бойцы, сержанты и офицеры были подтянуты, выглядели молодцевато, на груди у многих блестели ордена и медали. В нашем штабном взводе тоже было несколько человек из 150 бригады. Это старший сержант Константинов, красноармейцы Наумов, Харченко, Барченко.

Организационное становление дивизии происходило с 20 по 25 мая 1943 года. В то время были окончательно оформлены управление дивизии, стрелковые полки, артполк, истребительный противотанковый батальон, саперный батальон, разведрота, 163 отдельная рота связи, медико-санитарный батальон, авторота, дивизионный ветлазарет, полевая хлебопекарня. Командиром 173 стрелковой дивизии был назначен генерал-майор Ерохин М.Е., заместителем – полковник Зайцев М.И., начальником политотдела – подполковник Косачев А.И., начштаба – полковник Гареев Н.Н., начальником оперотдела – майор Блинов В.Г., начальником связи – майор Шамириков, командиром роты связи – капитан Архипов, командиром штабного взвода – лейтенант Кузнецов, старшиной штабного взвода – старшина Цапко, полкомвзвода – старший сержант Константинов, начальником ЦТС – пишущий эти строки с присвоением звания старший сержант. Общая численность дивизии составляла 8650 офицеров, сержантов и красноармейцев. Из них членов КПСС – 995, членов ВЛКСМ – 1053 человека. Личный состав дивизии состоял из 30 национальностей, но большинство русских – 6192 человека.

В районе Старицы обстановка в нашей дивизии была приближенной к передовой: организована центральная телефонная станция (ЦТС), поставлен двадцатиномерной немецкий коммушта-

тор, организована проводная связь с полками и другими подразделениями, управлением штаба, командиром дивизии.

ЦТС работала круглосуточно. В той же землянке стоял аппарат Морзе. На нем работали Паша Муромцева и Катя Макиевская. На коммутаторе постоянно работали Константинов, Наумов, Сафаров и я. Немецкий коммутатор и несколько телефонных аппаратов работали безотказно, без перебоев, чего не скажешь об отечественных средствах связи. В Кущубе мы работали на шестиномерном советском коммутаторе и таких же плохих фонических телефонах. Хорошо, что наши друзья из 150 бригады во время боев 1942–1943 гг. вооружились немецкой техникой.

В начале июля 1943 года генерал-майор Ерохин М.Е. был отозван в распоряжение фронта и комдивом назначен его заместитель, полковник Зайцев М.И.

Заканчивалась учеба и подготовка к войне с хитрым и коварным врагом – немецким фашизмом. И вот мы на 300-километровом марше: Старица, Ржев, Кульнево, Сычевка, Вязьма, Сямлево. Конечный пункт – Гавриково. Дивизия выступила на фронт в составе 68 армии. Движение происходит в основном ночью, днем – отдых. В пути узнаем, что наступление немцев на Курско-Орловской дуге захлебнулось и фрицы показывают пятки.

На привалах то в одной, то в другой группе слышны песни, играет гармошка. Кончился привал и колонна опять движется на запад. С продвижением вперед все более видны следы войны: сожженные города, деревни, села, остатки фундаментов, печные трубы стоящих до этого домов.

Начинается вечер. Солнце заходит за тучи, а в небе появляется шум. Это гудят летящие самолеты.

– Наши самолеты летят с бомбежки!

– Нет, это немцы, по звуку узнаю, – говорит Константинов.

– Три, шесть, девять, двенадцать, – считаем вынырнувших из-за туч стервятников.

– Разойтись, рассредоточиться, залечь! – слышим команду и разбегаемся по ровному чистому полю.

Как назло ни ямки, ни окопа, ни кустика, ни деревца – ни укрыться, ни спрятаться. Первая тройка немецких самолетов снижается и видно, как из них вылетают маленькие бомбочки. Все ближе и ближе к земле, воют, гудят, наводя страх, будто на тебя

валится этот смертоносный груз. Потом еще тройка, еще и еще. И так целый час: одни самолеты уходят отбомбившись, другие заходят на бомбежку. Бомбы гулко взрываются, осколки свистят, разлетаясь по сторонам. Прижимаюсь к земле, а меня отбрасывает. Лошади, обезумев от страха, ржут, не слушаются повозочных, люди кричат, некоторые, получив ранения, стонут. Ранило начальника штаба в руку, разбило нашу повозку с продуктами, Наумова ранило в ягодицу.

Наступил вечер. Замолкли крики повозочных. Курить нельзя. Полная маскировка. Настоящий фронт близко. Всех интересует, далеко ли передний край. Но вот взлетела ракета и осветила близлежащий район. Константинов сказал:

– Это немецкая ракета. Они всю ночь освещают передовую, боятся наших разведчиков. Значит до немцев не более трех километров.

Там, где взвилась ракета, глухо слышится пулеметная и автоматная стрельба. Вспомнились стихи Нины Сиротининой, сержанта медслужбы, прочитанные вчера в дивизионной газете «Отважный воин»:

Ты выходишь на смертный бой
Защитить все, что сердцу мило...

Хорошие стихи, и главное ко времени.

16 августа 173 стрелковая дивизия заняла исходное положение для атаки боевого рубежа противника, сменила ранее находившуюся боевую часть 68 армии. Перед нами была поставлена задача: прорвать оборону немцев и овладеть населенным пунктом Вититнево. На месте размещения штаба дивизии в небольшом блиндажике была организована ЦТС. Ребята-телефонисты всю ночь наводили связь. В первую очередь комдиву, начальнику штаба, оперотделу, стрелковым и артиллерийскому полкам, другим подразделениям. Работы по организации связи хватало и на следующий день: провода прятали в углубления, подтягивали и ликвидировали петли.

В небе постоянно летают немецкие самолеты, ухают разрывы снарядов, мин, строчат пулеметы и автоматы, свистят пули. Вот она, война, совсем рядом. Немцы совсем близко, пятьсот-шестьсот метров.

С наступлением вечера пальба стихает, лишь изредка раздаются пулеметные и автоматные очереди, да в небо взмывают осветительные ракеты. Ракет немцы не жалеют, они постоянно висят, освещая передний край.

Приходит день и передовая оживает: то снаряд ухнет, то мина прошипит, то пуля прожужжит. После обеда неожиданно началась стрельба из пушек и минометов. С каждой минутой она усиливалась и вскоре загрело, заухало, как будто по земле колотили чем-то невероятно тяжелым и земля дрожала «как наши груди», по меткому выражению поэта-классика. Вся передовая покрылась пороховым дымом. Через сорок пять минут после начала артподготовки появились наши самолеты, пробомбили передний край обороны немцев и улетели. Наша пехота поднялась и пошла в атаку, преодолевая сильный огонь стала продвигаться вперед.

Артподготовка и бомбежка проводились для того, чтобы разрушить оборону врага: траншеи, ходы сообщения, блиндажи, связь, артиллерию, живую силу противника. Но обычно это мало помогало – немцы уходили во вторую линию обороны и отсиживались. Бой разгорался, напряжение боя нарастало. Наши ворвались в траншею, завязался рукопашный бой. Вот и вторая траншея. Немцы упорно сопротивляются, но отступают. Дошли до восточной окраины Вититнево и закрепились.

В этом первом бою воины 173 стрелковой дивизии пережили радость победы над сильным врагом, получили первое боевое крещение. Ход боя, все его нюансы мы, телефонисты, и особенно дежурные на коммутаторе знали, потому что все разговоры между штабом и подразделениями слышали. Очень подробно о сражении доносили командиры оперативному отделу – всегда дежурившим у телефона лейтенанту Малюгину и майору Блинову.

Утром снова заговорила наша артиллерия, десять минут продолжалась стрельба по немецким позициям, а потом поднялась пехота и устремила в атаку. Заговорили немецкие пулеметы, пушки, автоматы. По нашим наступающим цепям немцы били прямой наводкой. Наша полковая артиллерия подтянулась поближе и вела прицельный огонь по огневым точкам немцев. Каждый метр земли приходилось брать с боем, оставляя убитых и раненых.

Командир дивизии находился на наблюдательном пункте и видел, какие большие потери несут наши батальоны. По телефону

он позвонил командиру 15-го гвардейского корпуса и попросил «кипяточку». В то время на коммутаторе дежурил Наумов, а я сидел рядом и все слышал. Я спросил Наумова:

– Какого кипяточку просил комдив?

– Через пол часика узнаешь! – загадочно ответил он.

Слушая сводки, передаваемые в оперотдел, было понятно – атаки не приносят успеха.

Через некоторое время недалеко от штаба появились «катуши». Развернулись, навели прицелы. И зашумело, загремело – полетели на немцев реактивные снаряды. Видно было где они падали – там всё горело. Горела вся оборона немцев. Такой огневой удар продолжался всего три минуты, но за это короткое время по переднему краю врага прошел огненный ураган мощной силы, сметая-сжигая всё на своем пути. Вот это кипяточек!

Вместе с последним залпом гвардейских минометов раздалась команда: «Вперед, за Родину, за Сталина!» Стрелковые цепи двинулись к вражескому рубежу. Немцы в панике бежали, оставив на поле боя много убитых и раненых.

Утром, используя скупой свет только что занявшегося рассвета и замешательство противника, подполковник Сизов – командир 1313 стрелкового полка – со своими людьми ворвался на северную и восточную окраину Вититнево и навязал врагу рукопашный бой. Враг оборонялся упорно. Преодоление его сильно укрепленной обороны без подготовки (так как дивизия вступила в бой с марша), непрерывное авиационное воздействие противника на наши боевые порядки, нечеткое взаимодействие родов войск воспрепятствовали одержанию полного успеха.

В результате решительных атак наших стрелковых частей, двухдневного ожесточенного боя, доходившего до рукопашных схваток, противник потерял только убитыми 1300 солдат и офицеров. Нашими артиллеристами подбиты четыре танка и четыре полевых орудия, разрушены два НП, подорвано шесть дзотов. Траншеи врага южнее Вититнево были завалены трупами гитлеровцев. После короткого, но кровопролитного боя под Вититнево 173 Стрелковая дивизия была отведена на отдых и пополнение.

К началу сентября 1943 года в районе Ельня – Спас-Деменск противник, теснимый частями Красной Армии, был вынужден начать отвод главных сил в направлении Смоленска. Немцы широко

используют для своего прикрытия выгодные естественные рубежи. Одним из важных на этом участке водных рубежей, позволявших задержать продвижение частей Красной Армии, была река Десна. С начала сентября части нашей дивизии преследовали противника, имея задачу выйти к реке и захватить плацдарм на ее западном берегу. Уже второго сентября передовые наши отряды вышли к Десне.

Используя подручные средства – лодки, бревна, плоты – сразу в нескольких местах форсировали водную преграду. К исходу третьего дня была занята первая траншея немцев. В ночное время рота автоматчиков проникла в тыл на глубину 2 км и атаковала. Враг беспорядочно отошел на новый оборонительный рубеж, на 5-6 км в район Орлы-Кувшиновка.

Деревня Кувшиновка трижды переходила из рук в руки. Вновь овладев Кувшиновкой, отразив три атаки пехоты с танками, мы прочно закрепились в ней. В результате упорных восьмидневных боев подразделение дивизии овладело населенными пунктами Орлы и Кувшиновка, очистив от противника лесной массив площадью в 160 кв. километров.

Конец сентября и первую половину октября 1943 года части дивизии продолжали теснить и преследовать противника, сбивая вражеские заслоны автоматчиков и пулеметчиков, поддержанных артиллерией, танками и самоходными орудиями, совершая ежедневные переходы по 10-15 километров. Мы шли по освобожденной родной земле. Видели народное горе, страшные следы опустошения и зверств, чинимых фашистскими разбойниками. Спасаясь от кровавой расправы, местные жители уходили в леса, прятались в укромных местах, жили в землянках, ямах. Мстя за поражение в войне, немцы убивали мирных жителей, а дома сжигали. Дома горели, как свечки, их яркое пламя высоко вздымалось в небо. Зрелище это было особенно впечатляющим вечером и ночью, на темном фоне ночи. За линией фронта то в одном то в другом месте пылали деревни, хутора, дома. И так по всей Смоленщине и Белоруссии.

Входим в одну из деревень. Из землянок и ям выходят грязные и оборванные старухи, старики, дети, радостно бросаются в объятия, благодарят за освобождение. Возникает разговор с жителями:

– Как живете? – спрашиваю пожилую женщину.

– Живем, братушка, в ямах и землянках. Немец дома попал, корову порезал. Живем на бульбочке. Муж в партизанах, дочь и сына забрали немцы в полон. Партизан ловят и убивают. Вот посмотри! – и она указала рукой.

Смотрю направо, а там на горке два столба с перекладиной, а на перекладине, на веревке, висят два человека.

– Это партизаны. Их словили и повесили, – печально повествует женщина. Деревня наша была большая, сто домов, а теперь от нее ничего не осталось.

Смотрю: дома все сгорели, остались печные места да трубы, а людей всего восемь человек. Ветер разносит пепел, догорают голешки.

Прощаемся с жителями, идем дальше на запад. Израненная и опустошенная, но бесконечно дорогая земля Родины вливала грозные силы гнева. Чуть забрезжил рассвет – и тихо двинулись вперед стрелковые цепи, ведя огонь на ходу. Развернулись с марша в боевой порядок части дивизии, одна за другой вступали в бой на рубеже Сухино-Ползухи, в 3-х километрах от местечка Ленино, где противник оказывал упорное сопротивление с заранее подготовленного оборонительного рубежа.

...Взвилась ракета. Атака. Пушки и минометы стали переносить огонь в глубину вражеской обороны. И почти одновременно заговорили огневые точки врага. Мы, связисты, как никто чувствовали, что делается на передовой. Нарушается связь – значит немцы обстреливают не только передовую, но и тылы. Надо срочно восстановить связь. Бежим по ниточке. Вот и обрыв. Надо соединить перебитый провод, дать связь. Бой без связи – бой вслепую. Командир не знает обстановки на передовой, куда подбросить резервы, не знает, где подналечь, чтобы прорвать оборону. Когда нет связи, людей охватывало волнение. Волнение доходило до угроз. Звонил начальник штаба, оперотдел, комбат. Спрашивали:

– Почему нет связи?

– Перебило кабель, исправляем, все телефонисты на линии!

Потом вызывали командира роты Кузнецова. Тот же вопрос к нему:

– Когда будет связь?

– Исправляем, все люди на линии! – отвечал бледный комроты.

– Через пять минут чтобы была связь, а если не будет, получишь пулю в лоб!

Было около десяти часов утра. Я закончил дежурство на коммутаторе, сдал его Паше Муромцевой, поел на походной кухне и пошел в землянку отдохнуть. Только уснул, и вдруг сильнейший взрыв и крики. Мигом пропал сон, оделся и выбежал. Над нашей ЦТС стоял столб пыли, бревна наката были разбросаны, некоторые стояли вертикально, в землянке зияла большая дыра. Копошились мои друзья: Цапко, Константинов, Наумов, командир взвода лейтенант Кузнецов. Из ЦТС слышались глухие стоны. По ходу опустились в блиндаж. Там в грязи, пыли, среди проводов и разбитой аппаратуры валялись в крови Оссовский, Барченко, Харченко и Паша. Оказывается немецкий снаряд упал между землей и тройным накатом в ЦТС и там разорвался, поразив находящихся внутри связистов. Тихо стонал Барченко:

– Ребята, спасите!

– Больно, дайте воды, – еле выговаривал Харченко.

Принесли плащ-палатки, положили на них своих боевых товарищей и стали выносить на улицу. Последнюю вынесли Пашу Муромцеву. Положили на землю и стоим. Вся она в грязи и крови. Кровь перемешалась с грязью. Одежда изорвана осколками. Вдруг она застонала и шевельнулась. Значит жива, а ребята уже не шевелятся. Рядом со мной Петя Шаров, самый молодой из нас, последнее пополнение 1925 года рождения, говорит:

– Девки живучие, выздоровеет Паша и еще повоюет!

Все молчим, сняли шапки. В тот же день троих наших ребят похоронили в одной могиле, а Пашу отвезли в медсанбат. Вот и нас, связистов, коснулась смерть своим черным крылом, так неожиданно и нелепо. После этого все приумолкли, меньше стало пустых разговоров, люди вроде повзрослели. Смерть выбрала их четверых, а могла бы и меня, любого другого из нас. Все мы ничем не защищены и в любой миг моя жизнь может закончиться такой же смертью. Постоянно пули свистят, летят осколки – сегодня остался жить, а что будет завтра?

Некоторые говорят, что на войне привыкаешь к обстановке и ничего не боишься. Неправда это! Инстинкт самосохранения работает и тут. Страшно и боязно, но боязни своей не показываю и страх презираю. При разрыве снаряда и бомбы сжимаюсь, падаю на

землю и ложусь вниз лицом. Слышно, как выстрелило немецкое орудие или миномет, летит снаряд и воет. Это на меня, берегись! Оказывается нет, не на меня. Когда на меня, выстрела и полета снаряда не слышно. И ранит без страха, неожиданно, и убивает без страха, неожиданно. Вот такая арифметика войны!

Некогда размышлять, нужна связь, ведь от нашей ЦТС ничего не осталось: разбит коммутатор, телефоны, висят обрывки проводов. Берем запасной коммутатор, телефоны, разбираем провода и в первую очередь устанавливаем связь с полками, комдивом, начштабом, оперотделом прямо на земле, пока без блиндажа. Филиппов, Захарченков, Русских копают яму для блиндажа под ЦТС. Через час временная связь установлена. О нашей трагедии узнала вся дивизия, нам сочувствуют, как раньше не понукают. Мы работаем все в поту, без сна и отдыха.

15 октября в бой вступили главные силы дивизии и сразу же была захвачена вражеская траншея. Наш комдив не сидел в штабе. Он приказал оборудовать наблюдательный пункт и обеспечить его связью. Для организации связи были направлены я и старший сержант Константинов. Мы протянули нитку, то есть телефонный кабель, размотав три катушки, и установили телефон в траншее на НП. Траншея эта была расположена на середине сопки, а на верху ее сидели немцы и беспрерывно ходили в атаку, чтобы отбить траншею. Нас постоянно обстреливали из пушек и минометов. Связь была неустойчива, кабель рвался, один из нас попеременно бегал по линии, сращивал перебитый провод. Я сидел у телефона и вдруг на меня навалилось что-то большое и тяжелое, придавило к земле. Хочу пошевелиться, сбросить с себя, но не могу. Нечем дышать. Полная темнота. Догадываюсь, что меня засыпало отколовшимся куском земли и песка. И вдруг мне стало легче. Поднял голову и вздохнул. Это мой друг Ваня Константинов откопал меня саперной лопаткой, освободил из плена. Не будь его, я бы погиб, задохнулся под этой толщей земли и песка. Как хорошо, что он был в траншее, а не на линии!

А немцы обнаглели – они прорвали передовую цепь и с криками бежали на нас. В нашу траншею побежали автоматчики, бронебойщики, пехота, и заняли оборону. Тут же был и комдив.

Опять оборвался провод и я побежал через море огня и осколков. Падал и пригибался. Вот и низина, ручеек. Сплошные воронки. Впереди сопка, а там артиллеристы. Кричат мне:

– Ложись, не демаскируй нас!

– Связь с командиром дивизии восстанавливаю! Вон там на высоте наше НП.

– Скорей уходите! – торопит меня молодой лейтенант-артиллерист.

Один конец провода у меня в руках, а второго нет. На месте провода громадная воронка. Нахожу второй обрывок, соединяю. Включаю телефон. Связь есть. Опять телефон за спину, карабин в руки, и бегом на НП. И вдруг из окопа протягивает руки и говорит что-то на непонятном языке бледный, худой и небритый человек в военной форме:

– Русский, русский, я поляк! Костюшко!

Догадываюсь – это польский солдат ранен и надо вытащить его из окопа. Беру за руки, подтягиваю, потом подмышки и вытягиваю наверх.

– Брат, спасибо, – и еще что-то лепечет.

Ранен оказывается в ногу, но передвигаться может. Показал куда идти, а сам бегом в траншею.

Под Ленино вместе с нами, отражая яростные атаки врага, сражались солдаты первой польской дивизии им. Костюшко. Интерес к полякам у нас был огромный – хоть небольшая, но все же мощь.

В последующие дни бойцы нашей дивизии совместно с поляками преодолевали огневое сопротивление противника, отражали многочисленные контратаки, сами контратаковали и постоянно теснили немцев. В боях на рубеже Сухино-Ползухи противник понес большие потери в живой силе и технике. За успешные боевые действия по обеспечению связью, за бой под местечком Ленино я был представлен к награждению медалью «За боевые заслуги».

После тяжелых боев под Ленино 173 стрелковая дивизия была выведена в тыл на пополнение и отдых. Все мы, особенно ребята, приводили в порядок средства связи: перематывали кабель, восстанавливали изоляцию, проверяли телефоны и коммутаторы. За время наступления у нас появилось еще несколько немецких коммутаторов, телефонов, много двухпроводного немецкого кабеля.

Многие запаслись немецкими автоматами, вместо обмоток и ботинок стали носить немецкие сапоги.

Отдых, в основном ориентированный на приведение в порядок потрепанных частей и подразделений и пополнение их личным составом, был недолог. После боев под местечком Ленино мы уже принимали участие в боях на левом берегу Днепра в районе города Орша.

Деревня Боброво, овладение которой входило в задачу дивизии, находилась на выгодном рубеже. С севера она прикрывалась речкой, и с востока река Россосенка. На северной окраине имелось 5 дзотов, с южной 4 дзота. Все дзоты имели ходы сообщения. Огневая мощь опорного пункта немцев состояла из 23 пулеметов, 4 минбатарей и 12 полевых орудий, 5-6 реактивных установок. По деревне курсировали четыре танка.

Штурм обороны под Боброво начался 14 ноября. Артподготовка длилась 3 часа 45 минут. Такой я еще не видал и не слышал. Сплошной гул, земля дрожит и колыхается, кажется ничего живого не должно остаться. С возгласами: «Ура! За Родину! За Сталина!», ведя убийственный огонь из своего оружия, бойцы ворвались в траншею, почти не понеся потерь. Радостный командир полка докладывает начальнику штаба полковнику Гарееву, что начало наступления положено – занята первая траншея.

Немцы сопротивлялись отчаянно, организовывали контратаки, подтягивали подкрепления, бросали их с танками в бой. К 17 ноября 1313 и 1315 стрелковые полки овладели тремя линиями вражеских траншей и ворвались на северную окраину д. Боброво. 30 ноября эти же полки после часовой артподготовки атаковали центральную часть Боброво, а 2 декабря вышли на южную окраину дер. Боброво, выполнив поставленную задачу. В этом более чем полуторамесячном тяжелом бою без отдыха и перерыва наш взвод потерял двух связистов: Наумова и Рябушкина. Погибли молодые здоровые неженатые парни, как говорят нецелованные. А сколько парней и мужчин пало на поле боя в прошедших боях? Я видел убитых и раненых – сотни, тысячи. Потому-то командиры полков всегда просили «карандашей», то есть стрелков, чтобы продолжать бой. За каждую высотку, деревню, город расплачивались человеческими жизнями. А жизнь солдатская очень дешева – всего десять рублей платили за службу Родине. После смерти – похоронка и все

расходы. Нашего Наумова, шедшего за водой к ручейку, снял немецкий снайпер, а Рябушкин погиб на линии связи при артналете. Связисты воюют, говорят, не на передовой, а потери несли не меньше, чем в полках. «В связи много грязи» – пословица того времени правильно отражала жизнь и службу связистов.

Разгромив в боях сильный опорный пункт немецкой обороны в Боброво, дивизия совершила марш в район Витебска и 28 декабря вступила в бой на рубеже Герасинки, 17 километров юго-восточнее Витебска. В полосе наступления дивизии противник имел заранее подготовленный оборонительный рубеж. Враг заминировал все подступы к переднему краю, создал огневые заслоны, в глубине обороны имел артиллерийские установки большой мощности на железнодорожных платформах, от Витебска до разъезда Крестьянка постоянно курсировали немецкие бронепоезда. Перед нашими частями стояла 60 пехотная дивизия, только что переброшенная из Франции и с марша вступившая в бой, стараясь вернуть ранее утраченные рубежи.

Начавшиеся бои приняли затяжной ожесточенный характер, немцы атаковали по 3-4 раза в день с танками и авиацией. Но успеха они не имели, наши крепко держались. 31 декабря части нашей дивизии овладели дер. Грибуны и первыми перерезали шоссе Витебск-Орша. Было ясно, что враг попытается вернуть утраченное. Немецкая контратака после 45-минутной артподготовки началась утром. Враг бросил в контратаку полк пехоты с 20 танками. На смерть стояли наши артиллеристы, бронбойщики и пехотинцы – большинство танков было подбито, а пехота повернула назад.

9 февраля дивизия приступила к решению новой боевой задачи – форсировать реку Лучеса. 11 февраля под покровом темноты бойцы пошли на сближение с противником. Скрытый удар опрокинул врага. В 10 километрах южнее Витебска схода была форсирована водная преграда и занята деревня Поротьково. Враг, подтянув резервы, предпринял с разных направлений три контратаки, но мы успели закрепиться.

Местность вокруг была сильно пересечена: невысокие холмы, лощины, кое-где кусты. Особенность заключалась в том, что бой происходил в зимнее время, а кругом пустыня безлесная. Выкопавешь блиндаж, а накат сделать не из чего. Кое-каким хворостом накроешь, а сверху плащ-палатка. Из железной бочки сделали печ-

ку, но много ли натопишь хвоей от кустов? Мерзли мы тут, околевали, особенно холодно было ногам. Чтобы оборудовать ЦТС, накрыть ее бревнами, за лесом ездили за двести километров. Там и спасались, потому что была печурка, спали и отогревались. А в виду того что постоянно передвигались, приходилось вновь и вновь оборудовать ЦТС, копать блиндаж, подводить связь. Времени для сна не оставалось. Иной раз падали и засыпали. При переходе с одной позиции на другую по дороге засыпали. Заснешь, и на ходу поведет тебя в сторону, бывало и падали. Ну а если привал, прямо на снегу спали. Вот такая собачья жизнь на фронте. За все время боев ни разу не пришлось в доме ночевать, нормально помыться, раздеться, сменить белье. И это вскоре сказалось. Стал появляться зуд в местах, имеющих волосяной покров, зачесалась голова, стал обнаруживать то в одном, то в другом месте вшей. Никому не говорил, но вскоре оказалось, что мы все, весь взвод, являемся носителями этих многоногих паразитов. А они размножались с невероятной быстротой и им уже не хватало места в волосяном покрове. Стали обнаруживать в складках гимнастерки, брюк, белье. И оказывается они были не только у нас, но и у всего личного состава дивизии. Медики подняли шум, требуя походную баню, санобработку.

Но вернемся на передовую. Там шел ожесточенный бой. Немцы бросили в наступление танки, но наши бронебойщики и артиллеристы оказались на высоте. Они один за другим подбивали танки. Немцы, не выдержав огня, бросили горящие танки и бежали.

Эти бои крепко у меня запали в памяти. Из-за обстрелов и бомбежек связь работала никудашно. Провода рвались, связи не было, а если появлялась, сразу же соединял с оперотделом или начальником штаба. Комдив опять был на передовой. Мы бегали круглосуточно по линиям без сна и отдыха.

Не выходя из боя, дивизия получила новую боевую задачу: штурмовать опорный пункт немцев на высоте 176,0. Для ее штурма дивизии были приданы 26 и 43 танковые бригады, имевшие в своем распоряжении 32 танка. После часовой артподготовки начался штурм высоты 1311 и 1315 стрелковыми полками. Штурмовали яростно, с ожесточением, дерзостью и презрением. Эта упорная ярость атакующих объяснялась тем, что от рук врага накануне этого штурма погиб наш любимый командир, полковник Михаил Иванович Зайцев – наш комдив. Командир дивизии обладал железной во-

лей и стойкостью, он сам был героем этих ожесточенных боев под Витебском. Изо дня в день его видели в траншеях под огнем в бою. Мы любили его как отца, высоко ценили его мужество.

Немцы защищались упорно, но под натиском наших войск с приданными танками и авиацией высота в тот же день пала. После этого еще шесть дней велись бои по очищению восточного берега реки Лучеса. Выполнив боевую задачу, дивизия сдала участок.

И вот мы на марше. По весенней распутице прошли 115 км. За трое суток оказались в Ольше, что 40 км восточнее Орши. Теперь мы в резерве командования фронта и будем здесь отдыхать и пополняться. Какая радость! Выбрались из пекла – и вот тихо, вольно, не опасаясь бомбежки, снарядов, мин, пуль, живем в лесу у чистой речки, в шалашах. Воздух – аромат, вода в речке – ключевая. Купаемся, моем гимнастерки, брюки. И тут неожиданность: гимнастерка моя разваливается, брюки рвутся. Отчего же? Оказывается, от долгого ношения и пота все сопрело. Хорошо что у старшины нашего Цапко была замена.

Отдых используется для приведения в порядок наших боевых средств: чистим карабины, перематываем весь наличный провод, ремонтируем его, проверяем телефоны. Их у нас стало больше – захватили у немцев. Здесь мы получили немного американских телефонов ЕЕ-8А на круглых батарейках и в кожаных футлярах. Телефоны эти хорошего качества, до конца войны работали безотказно.

Тут же к нам пришло боевое пополнение, ведь наш взвод был укомплектован наполовину и до сих пор каждому из нас приходилось работать за двоих. В один из солнечных майских дней в нашем взводе появились три девушки: Зина Иванова, Рая Маклакова, Вера Стулова, да было двое: Катя Макиевская и Катя Шулева. Все они были специалистами. Рая имела значок «Отличный связист», работала на аппарате Морзе и на коммутаторе, Зина, Вера и Катя Шулева – на коммутаторе. Пришел к нам еще один парень-связист Никитин Володя.

Большую работу на отдыхе проделали партийные и комсомольские организации. Они устраивали вечера и беседы бывалых воинов, выпускали боевые листки, распространяли дивизионную газету «Отважный воин». Начальник политотдела дивизии Косачев А.И. и весь состав политотдела проделали огромную работу по ук-

реплению дивизионной парторганизации, были проведены партийные собрания, укреплены первичные партийные организации за счет молодых способных коммунистов, пользующихся доверием и авторитетом среди бойцов и командиров, организован прием в партию. В нашем 426 отдельном батальоне связи в Ольше было принято в члены КПСС четыре кандидата, в том числе и я. Рекомендовали меня комвзвода Кузнецов, старшина Цапко и третья рекомендация была от комсомола, которым в то время руководил радист Попов Коля.

Большинство личного состава нашего батальона, кроме офицеров, была молодежь – радисты, радистки, телефонисты и телеграфистки, и, само собой разумеется, возникали дружеские отношения и любовь. Яша Драган, старший сержант, командир линейного взвода, в то время награжденный орденом «Красного Знамени», неотступно следовал за Катей Макиевской; Тамара Голубева, радистка, убыла домой потолстевши от любви. Зина Иванова сразу же по прибытии в наш батальон подружилась с командиром пункта сбора донесений старшим сержантом Яровым. На Верочку Стулову заглядывались многие офицеры, но она больше тяготела к командиру разведроты капитану Соколовскому. Не занятой оставалась Рая Маклакова. А у кого не было подружки, переписывались со своими девушками, с которыми дружили до армии. Я продолжал переписку с Шурой Смирновой из прифронтового Мурманска – она с семьей переехала в Вологду. Сначала активно писала письма, а потом появились перерывы. И наконец известие: вышла замуж за обеспеченного человека, чтобы не быть голодной и кормить семью. Тогда я решил завязать переписку с унежомкой Любой Фроловой. Она ответила. Иные наши ребята переписывались с заочницами. На фронт приходили посылки: варежки, носки, платки носовые, кисеты, теплое белье, а в них адреса с просьбой написать. После ответа боец получал фотокарточку и начиналась дружба по переписке. После войны некоторые женились на заочницах.

В июне месяце командир взвода приказал построиться для вручения наград. Перед строем был зачитан приказ комдива о награждении. Орден Славы III степени был вручен Кате Макиевской и Ивану Константинову, Орден «Красная Звезда» мне, медаль «За отвагу» Петьке Шарову, медаль «За боевые заслуги» ординарцу командира роты Филиппову. Начальник связи Шамриков, командир

батальона Архипов поздравили нас с наградами и пожелали успехов. Вот она, желанная награда! Награда за бессонные ночи, пролитый пот и кровь, за страх и невзгоды, за долгий путь по сожженной обездоленной земле, за убитых мною лично трех немцев под Ленино и Боброво. Написал письмо отцу и матери, сообщил им о второй награде.

Через некоторое время, когда мы уже совсем собрались выступать в поход, получаю письмо. Читаю и глазам своим не верю: сообщают, что мой батя неожиданно скончался. Как это произошло описала сестра Ульяна: «Ходил за вицами к Смоленихе. Нарубил их, наложил полные санки и повез домой. Тяжелый, видимо, воз был, да к тому же еще и больной, обессиленный недоеданием, присел на кочку отдохнуть. Так и нашли его сидящим и уже мертвым».

Сиюж я с этим письмом склонившись и задумавшись, чего со мной никогда не бывало, подходит ординарец Кузнецова Филиппов и спрашивает:

- Что случилось, товарищ сержант?
- Да вот письмо из деревни, батя умер, – тихо отвечаю ему.
- Поедешь хоронить отца, дадут отпуск на десять дней!
- Да как похоронили, а ехать к нам и десяти дней на дорогу не

хватит.

- Съездишь домой, повидашься с родными.

Примерно через полчаса меня вызывает командир взвода к себе. Прихожу, докладываю, а он мне:

- Что у вас дома случилось, старший сержант?
- Отец умер, товарищ старший лейтенант.
- Если хочешь поехать на похороны, пиши рапорт.

– Ехать далеко, да и отца уже похоронили, я его не увижу, дорога на север плохая, много пересадок, и чем я помогу дома матери, если поеду? Везде голод, горе. Остаюсь на фронте, здесь я больше необходим. Бежать с передовой по случаю или без случая я считал позорным.

Прожил мой отец полных 64 года, а мне в это же время – 24. Как мало он жил и как много сделал! Построил два дома, ботик, на котором рыбачил, несколько карбасов и шняк, создал две семьи, воспитал одиннадцать детей. А сколько я проживу и что сделаю за свою жизнь?

За то время, которое мы были в благодатной Ольше, война не кончилась и ожидаемый второй фронт союзники не открыли. Опять ненавистная война: кровь, пот, бессонные ночи, обеспечение связью под вой снарядов и пуль, землянки, жизнь впроголодь. Да, и на фронте кормежка не отличалась от тыловой: хлеб, каша перловая, суп из той же перловки или горьковатого пшена.

Активные боевые действия в боях за овладение городом Орша дивизия начала вести 23 июня, когда другие соединения 31 армии уже начали взламывать долговременную оборону противника. Утром была трехчасовая артподготовка. Как только начали продвигаться наши части, передовая немцев ожила, заговорили пулеметы. Но огонь наших пулеметов был сильнее.

И вот взята первая траншей. На НП было слышно, как ликовали наши красноармейцы, крича:

– Взяли! Взя-ли-и-и!

– Прорвали! Прорвали оборону-то! Бегут фрицы!

Затем была взята вторая и третья траншеи.

Перегруппировавшийся противник предпринимал яростные контратаки. Героически защищали наши бойцы захваченные траншеи, но враг был слишком многочисленным, и ему удалось занять часть траншеи, в которой были радисты Лавров и Мельников, корректировавшие огонь артбатареи. Утром, когда вражескую траншею заняли наши бойцы, в блиндаже связистов мы увидели жуткую картину. Труп Лаврова был изуродован немцами до неузнаваемости: язык вырезан, горло перерезано, руки и ноги переломаны, живот распорот, внутренности выпали. Так же выглядел труп Мельникова. Это страшное злодеяние врага быстро облетело всю дивизию. С новой силой жгучей ненависти к немецким извергам шли в бой воины, беспощадно уничтожая каждого сопротивляющегося.

Немцы бросили в контратаку пехоту, танки, самоходные орудия, но сдержать натиск наших частей не могли. Они все время отступали, сдавая одну позицию за другой. 26 июня наша дивизия начала решительный штурм обороны гитлеровцев. Немцы предприняли частые контратаки, поддержанные авиацией. Несмотря на яростное сопротивление, 27 июля бои шли непосредственно в центре города.

Уличные бои в Орше носили кратковременный, но ожесточенный характер. Части дивизии уничтожили значительную часть

живой силы и много техники, по дорогам валялись машины, орудия, повозки, танки, убитые и раненые. За героизм, умелые боевые действия в боях за овладение г. Орша приказом Главкома маршала Советского Союза тов. Сталина от 27 июня 1944 года объявлена благодарность воинам нашей дивизии. За этот бой дивизии присвоено наименование Оршанская.

Три дня и три ночи этих непрерывных бессонных боев вымотали всех до предела. Нашу дивизию заменили, а мы остались в Орше. Развернули связь. Дежурить стали девчата, а нам разрешили отдохнуть. Мы пошли на речку, давай купаться и мыться, а потом ловили раков. После этого я кое-как оделся, прилег на траву. Тепло, солнце припекает, воздух чистейший, поют птички, и я заснул. Заснул мертвым сном, и оказывается не один. Спали все: Шаров, Константинов, Никитин, Гагарин. Когда узнали, что нас нет в расположении и на обед не приходили, Кузнецов послал Филиппова искать. Он обнаружил и разбудил.

Ходили по Орше, рассматривали ее после боев. Весь центр сгорел и разрушен, остались только стены да трубы. Догорают головешки, издавая неприятный дым. Людей почти нет. Кое-где увидишь старуху или старика в грязном, рваном лохмотье.

Находясь в резерве и обитая в Орше, когда остальные части 31 армии преследовали противника, дивизии предстояла труднейшая задача – догнать ушедшие далеко вперед части и оказать помощь в форсировании реки Березины. Преследуя противника, стремящегося во что бы то ни стало оторваться от наступающей Красной Армии, мы совершали форсированные марши по 40-50 км в день.

Опять был выставлен передовой отряд для организации связи, в котором участвовал я. Шли в полном боевом: карабин, у кого и автомат, вещмешок, скатка, кабеля по катушке, телефонные аппараты. Следовавшие сзади обозы отставали. Отстала и наша повозка с харчами, а сухого пайка с собой не взяли. Решили сварить картошку, благо посевов ее вдоль по дороге было много. Нашли ведро в оставленном доме, организовали костер и быстренько сварганили. Какая вкусная картошка! Впятером съели полведра очищенной бульбы, и опять с новыми силами вперед.

Сбивая вражеские заслоны, первого июля мы подошли к Березине в 15 км южнее города Борисова и стали форсировать ее при

помощи подручных средств: бревен, плотов, лодок. Не успели доплыть до середины реки, немцы обнаружили нас и открыли огонь. Плот пришлось направить по течению, чтобы выйти из-под обстрела. Гребли досками, руками, не переставая и не поднимая головы. Пехота переправилась раньше нас, заняла плацдарм и вела бой. Немцы яростно сопротивлялись, но вынуждены были отступить. После переправы через Березину вышли на автомагистраль Москва-Минск, преследуя отступающего противника. Используя благоприятно складывающуюся обстановку, командование дивизии организовало передовой подвижной отряд для борьбы с вражескими автоматчиками, засевшими в прилегающих к автомагистрали кустах.

К исходу 2 июля передовой отряд под командованием зам. комдива полковника Лесовик-Цырульника вышел на подступы к Минску и, сбив передовые части немцев, в шесть часов утра ворвался в город с востока. За передовым арьергардом пехоты шли мы, связисты. Вот каким мы увидели Минск: многие кварталы были совершенно мертвыми, поросли бурьяном, на улицах проволочные заграждения, во дворах дзоты. В стенах домов – бойницы, почти все улицы изрыты траншеями и рвами. От домов остались стены и трубы, многие дымились и даже горели.

Совместно с передовым отрядом 220 дивизии и кавалеристами наши бойцы овладели центром города. И опять видим следы жестоких расправ немецких разбойников с гражданским населением Минска. Прямо на мостовой лежат десятки трупов жителей, зверски убитых немцами. Убили их за то, что они вышли встречать нас, освободителей.

Вошедший в город вместе с бойцами начальник политотдела гвардии полковник Косачев А.И. водрузил красный стяг победы над зданием правительства Белорусской ССР. Радостна и трогательна была встреча минчан со своими освободителями. Каждый хотел, чтобы в его доме был воин Красной Армии, разделил с ними скромную трапезу, обмыл дорожную пыль, рассказал бы, как живет и сражается вся могучая Советская страна с гитлеровскими захватчиками.

Многие побывали у гостеприимных минчан, отведали хлеба-соли. Не мог отказаться от радушия-милосердия и я. Семья горожан – женщина, муж ее, партизан, и дочка – буквально внесли меня в дом, помыли, даже ноги, и усадили за стол. Несмотря на

долгие годы оккупации на столе появилась горилка (водка), мясо, овощи, фрукты. Угощали и хотели оставить на ночь, но время было дорого. Нужно было торопиться добивать врага. Когда я вышел из дома, начало смеркаться, моих однополчан уже не было. По городу много ходило наших солдат и офицеров. Стал спрашивать: «Куда подалась 173 дивизия?» Ответы были разноречивые. Одни говорили, что все ушли на Раков, другие ничего не знали. Принял решение идти на Раков.

Шел и ехал на попутках. По всей дороге по обочинам валялись грузовые и легковые автомашины, повозки, полевые кухни, подбитые танки, самоходки, артиллерийские орудия, убитые лошади и немцы, масса всевозможного барахла. Здорово поработала наша авиация, не дала вывезти боевую технику и живую силу фрицев. Но я не останавливался, мне было не до того. Я искал, искал и искал свою дивизию. И только утром следующего дня встретил грузовую автомашину с нашими разведчиками, следовавшими из Ракова в Минск, с ними и добрался до дивизии. Теперь надо идти к командиру роты Кузнецову, объяснять свое отсутствие. Он мог простить, а мог расстрелять или в лучшем случае передать в «Смерш» (смерть немецким шпионам), а там считай мою жизнь оконченной – в лучшем случае штрафной батальон. Мне уже был известен случай, когда комроты без суда и следствия самолично расстрелял радиста. Он тоже, как и я, отстал от подразделения и появился в роте через два дня. С ним была рация. Когда он появился, Кузнецов вскипел:

– Где был, беглец?

– Отстал, товарищ старший лейтенант, запутался!

– Сдай рацию, выходи на улицу, – грозно кричал комроты.

Становись! – вытащил наган из кобуры и одним выстрелом уложил «предателя».

Вхожу в блиндаж комроты и докладываю:

– Товарищ старший лейтенант, старший сержант Ульянов явился.

– Почему сутки отсутствовал, где был?

– В Минске вышел оправиться, пока ходил наша машина ушла. Куда идти или ехать, не знал. Поехал в Раков. Там встретил дивизионных разведчиков, с ними приехал в расположение штаба дивизии. Как я отстал, могут подтвердить Цапко и Шаров.

– А где ночевал? – не унимался комроты.

– Всю ночь искал свою дивизию, нисколько не спал. Мне было страшно, что я отстал от своих.

Это несколько охладило горячий нрав моего шефа и он более примирительно сказал:

– Идите в расположение и отдыхайте.

Оказывается он мне поверил. О моем отсутствии в «Смерш» не сообщил.

Овладев городом Минском, войска III Белорусского фронта совместно с I Белорусским фронтом, наступавшим с юга, громадными клещами окружили большую группировку немецких войск в лесах юго-восточнее столицы Белоруссии. В числе окруженных были две армии, танковая дивизия, два армейских корпуса, одиннадцать дивизий и спецчастей. Окруженная группировка старалась вырваться из кольца, крепко замкнувшего ее. Не зная истинного положения, немцы старались прорваться к Минску. Перед нами стояла задача: не дать им вырваться из окружения, уничтожить или пленить.

Ни днем ни ночью не стихал бой. Без умолку трещали пулеметы, автоматные очереди, винтовочная стрельба, все это временами сливалось в единый гул. В темноте ночи тянулись светящиеся нитки трассирующих пуль, образуя замысловатый гигантский узор. Фрицы появлялись то справа, то слева, пытались просочиться мелкими группами, на ходу стреляя и крича. Но всё было напрасно. Особенно большого напряжения достигли бои четвертого и ночью пятого июля. Противник ввел в действие все свои резервы: танки, бронетранспортеры, орудия, минометы, весь личный состав подразделений. Но и это им не помогло: кольцо окружения было неодолимо. Тогда враг сменил тактику – опять стали прорываться мелкими группами, иногда без выстрелов, тихо, ползком, как змеи.

Сижу у коммутатора и в начинающемся рассвете вижу: согнувшись, с автоматами, бегут прямо на ЦТС, то есть на меня, два гитлеровца. Нельзя уходить от коммутатора, но я хватаю автомат, даю короткую очередь и почти у моих ног падают два завоевателя.

Стрельба усиливается и все кто свободен занимают оборону. А я опять сижу дежурю и в дырку в палатке смотрю, что происходит вокруг. Все участвуют в боевых действиях: штабные работники, политотдел, связисты, не говоря о строевых подразделениях и артиллеристах. Мимо штаба ведут пленных. Их много – десятки,

сотни, тысячи. Не удалось гитлеровским завоевателям вырваться из котла под Минском. Кто не сдался были перебиты, сдавшиеся пленены. За боевую операцию по освобождению г. Минска 173 стрелковая Оршанская дивизия получила благодарность верховного главнокомандующего.

После ликвидации группировки под Минском, которая насчитывала более ста тысяч немцев, совершили марш по Белоруссии через Раков, Ивенец, Ивье, Лиду, Василишки, Острыну, Взеры, Пожече, Друскенинкой, догоняя ушедшие вперед подразделения нашей армии, которой командовал генерал-лейтенант Глаголев В.В. Шли в приподнятом настроении: каждый день советская армия одерживала блестящие победы над ненавистным фашизмом. Москва озарялась салютами в честь победоносного отечественного оружия.

16 июля перед нами, утомленными форсированным маршем, но бодрыми, радостными, засверкала широкая лента реки Неман. Надо было переправляться, но нигде никаких мостов не было. Чуть повыше нас по течению начинали наводить переправу саперы. А мы нашли старую лодку, столкнули ее на воду. Она текла пострашному, но выбора не было и, раздобыв ведро, кое-какие банки, погрузились на лодку и поплыли к западному берегу. Было всего одно весло. Греблись палками, досками, толкались кольями и жердями. Лодка усиленно наполнялась водой. Рая Маклакова не успевала ее вычерпывать, работала не разгибаясь.

Летали немецкие самолеты-разведчики, а затем начался артиллерийский обстрел и появились бомбардировщики. Но немцы опоздали. Мы высадились без потерь, но сразу же после форсирования Немана встретили упорное сопротивление немцев и стали расширять плацдарм на берегу Немана. В бой вступили 1311 и 1313 Минские стрелковые полки. Развивая достигнутый успех, овладели высотой 125,0, селением Нелюбанцы, перерезав шоссе Лейпуны-Концово.

До 29 июля части дивизии вели бои по отражению контратак противника, пытавшегося ликвидировать наш плацдарм на западном берегу, а затем перешли в наступление в направлении на города Сейны и Сувалки. Сбивая группы прикрытия, части дивизии в 13.00 30 июля 1944 года в районе местечка Куцюны перешли го-

сударственную границу СССР с Польшей. Теперь наша Родина осталась позади.

Что впереди, какая она, Польша, Восточная Пруссия? Дóма было хорошо, всё своё, русское, а тут чужбина, незнакомая страна. Как отнесется к нам народ, что скажут поляки? Об этом думал каждый из нас. Но для солдата приказ есть приказ, надо его выполнять. «Добить фашистского зверя в его логове!» – так сказал великий вождь. 3 августа 1944 года, преследуя отходящего противника, подошли к городу Сувалки, 8 км северо-восточнее его. Здесь было встречено организованное сопротивление, которое не смогли преодолеть. После многодневных боев с большими потерями перешли к активной обороне.

В сентябре 1944 года наша дивизия получила женскую роту снайперок. С их появлением на переднем крае заметно уменьшилось движение противника. В течение сентября-октября многие девушки-снайперки имели на своем счету по 16-20 уничтоженных солдат и офицеров противника. Но и немецкие снайперы не дремали. Около ЦТС встречаю Кольку Гагарина. Вижу что он не такой как раньше и спрашиваю:

– Чего такой кислый, что с тобой?

– Да вот, сержант, понимаешь, меня чем-то задело.

– Вижу по твоему настроению, но не вижу куда задело, вроде всё у тебя цело!

– Да знаешь, и говорить-то стыдно, – отвечает он мне.

– Давай говори, не будь девочкой! Куда ранило?

– В мошонку и насквозь, не знаю пульей или осколком, но кровь течет.

– Сейчас же в санчасть к Лизочке! – сказал я и помог ему пройти в наш батальонный лазарет.

А Колька весь сробел, покраснел – боится идти к женщине-фельдшеру, ведь надо показывать заветное.

На этой высоте, в деревне, наша ЦТС была за домом и он как бы загораживал нас от пуль и осколков, но стоило выйти на открытое место, начинался обстрел, свистели пули, визжали осколки. При длительной обороне мы всегда организовывали запасную ЦТС в тылах. На этот раз развернуть там связь командир роты поручил мне, выделив в мое распоряжение Сычева и Никитина. В одной из пустых крестьянских изб (поляки все убежали в лес) был поставлен

коммутатор, телефоны зам. командиру дивизии по тылу, начальникам ОВС и ПФС, начальнику мастерской по ремонту оружия, банно-прачечному комбинату, медсанбату.

Сычев – это парень-проныра. За один день он обошел всю деревню, всё узнал, везде побывал, пришел и рассказал, где и что плохо лежит. После очередного похода говорит мне:

– Сержант, в траншее есть теленок. Теленок живой. Давай завалим, мяса поедим, никто не узнает – поляков нет в деревне.

– Нельзя, Сычев, ведь поляки наши братья. А мы проживем и без мяса.

Но Сычев не унимался, ночью сходил совершил задуманное и принес мясо. А утром стал печку топить, варить мясо. На следующий день наделал котлет, и так много, что нам и за два дня не съесть. Вечером он часть их отнес на ЦТС, отдал Кузнецову и телефонистам. Поляк, которому принадлежал теленок, обнаружил пропажу и стал жаловаться. Узнав об этом, я велел Ваське выбросить оставшееся мясо и ликвидировать конфликт. Он разыскал хозяина и пригрозил: «Если будешь ходить жаловаться, я тебя пристрелю». На том эпопея, затеянная Сычевым, закончилась.

18 октября после артподготовки начались бои за овладение Сувалками, а 20 октября передовые части вышли на подступы к городу. В течение нескольких дней бои шли на окраине Сувалок, 22 октября один из батальонов ворвался в город. Бои за овладение Сувалками отличались массовым героизмом, доходившим до самопожертвования. Здесь лейтенант Григоросуло, чтобы не дать захлебнуться нашему наступлению, бросился на пулемет врага и закрыл его своим телом. Помогали нам местные жители: прятали попавших в плен, показывали где немцы и как безопасней к ним подойти.

29 октября части нашей дивизии предприняли ночную атаку. В результате боя подразделения проникли на северную и северо-западную окраины города, а 23 октября 1944 г. к 7 часам полностью овладели городом Сувалки. За отличные боевые действия и овладение городом Сувалки личному составу дивизии в приказе от 23 октября 1944 года Верховный Главнокомандующий, маршал Советского Союза тов. Сталин И.В. объявил благодарность.

Потеряв Сувалки, противник стал отходить на заранее подготовленный рубеж, непосредственно прикрывающий Восточную Пруссию. Преследуя немцев, дивизия подошла на рубеж 5-6 км от

Восточной Пруссии. Попытки сбить противника не увенчались успехом и войска перешли к активной обороне. Перед фронтом дивизии оборонялись два пехотных полка, оборона немцев состояла из четырех линий траншей полного профиля, 11 дзотов по 2-3 бетонированных колпака на 1 км фронта. Перед передним краем проходило проволочное заграждение, в середине которого имелась спираль «Бруно», в каждой роте противника имелось по 50 активных штыков, 2 тяжелых и 6 легких пулеметов, автоматы и карабины, кроме того большая плотность артиллерии и минометов.

Почти ежедневно противник производил разведку боем, имел снайперов, контратаковал небольшими группами. Наша оборона тоже была крепка. Три пояса траншей, минные поля, пулеметы. Вся полковая, батальонная и 50 пушек дивизионной артиллерии были выставлены на прямую наводку. Занимаемую полосу обороны дивизия держала двумя полками и тремя штрафными ротами. А мы, связисты, выполняли свою работу: ремонтировали кабель, проверяли телефонные аппараты, обслуживали линии связи.

В начале декабря 1944 года меня вызывает на ковер командир батальона Дмитрий Дмитриевич Макаров.

Вхожу в его блиндаж, докладываю:

– Товарищ капитан, старший сержант Ульянов по вашему приказанию явился!

– Как служба, старший сержант, чем занимаетесь?

– Служба как у всех: обеспечиваю связь, работаю на коммутаторе, бегаю по линии.

– Не кажется ли вам, что все это ты перерос?

– Мне нравится быть в батальоне, я люблю свою фронтовую службу, своих друзей-связистов.

– Мы решили вас, как опытного и дисциплинированного связиста, послать на курсы учиться на офицера.

– У меня никогда не было желания стать кадровым военнослужащим и я не хочу ехать ни на какие курсы, тем более сейчас, когда кончается война, товарищ капитан.

– Вы член партии, старший сержант, и обязаны подчиниться законам военного времени. Получите документы в штабе и завтра же отправляйтесь в распоряжение штаба армии в Вильно! – отрезал комбат.

Я понял что разговор окончен, больше возражать нельзя, и мне ничего не оставалось делать, как только отрапортовать и выйти. Капитана Макарова я хорошо знал и от него всего можно было ожидать.

Пришел он к нам после скандального дела с комбатом Архиповым и начсвязи, устроившими попойку – вечерок с радистками. Новый комбат был всегда ухожен и прибран, чисто выбрит, подтянут, требователен, и пожалуй даже слишком. Каждый недочет, допущенный подчиненными, возводил в ранг измены, был недоверчив и очень самолюбив. Для него в батальоне по его приказанию всегда держали лошадь, хотя это по штату не полагалось. Он часто появлялся на коне, даже в обстановке, не требующей этого, на отдыхе в тылу. А вот в бою его не видно было – ни разу не видел на наблюдательном пункте, отсиживался в блиндаже с пятислойным накатом, и с адъютантом-телохранителем. Появлялся он неожиданно и всегда с плеткой, даже будучи не на коне. Плеткой любил похлестывать по своим блестящим хромовым сапогам. Его вид – эталонного холеного офицера с острым носиком и маленькой головкой – не внушал никакого доверия. Я думал что он связан со «Смершем». А со «Смершем» не шути – если окажешься там, считай обеспечен штрафной ротой, а то и побольше. Пришлось подчиниться.

Прежде чем уехать пошел на ЦТС, попрощался с ребятами, девчатами: Раей Маклаковой, Верой Стуловой, Зиной Ивановой, Катей Макиевской, но особенно с Раей, с которой у нас к тому времени завязалась крепкая дружба. Договорились не забывать друг друга, писать письма.

И вот я в Вильно, освобожденном нашей 31 армией. Теперь здесь штаб III Белорусского фронта. День живу, второй. Встречаюсь с такими же как я сержантами-солдатами. У всех настроение сбегать, нежелание учиться – ведь близок конец войны. В голове одно: как избавиться от этих проклятых курсов? На четвертый день объявляют что курсы не состоятся, а курсантов отправляют в запасной полк.

Запасной полк. Стоим строем, а перед нами майоры, капитаны, старшие лейтенанты. Это покупатели, т.е. представители дивизий, коим нужны «карандаши». Смотрю: среди офицеров майор Архипов. Подходит ко мне и спрашивает:

– Старший сержант Ульянов, как вы здесь оказались?

– Меня послали на курсы офицеров, товарищ майор, но курсы не состоялись, теперь в дивизию надо.

– Пойдешь ко мне в батальон связи 62 дивизии?

– Согласен, иду! – отвечаю с радостью майору.

Майора Архипова я знал хорошо. Он стоял у истоков нашего батальона, был командиром первой роты связи еще в Кушубе. Хороший командир, знающий специалист, грамотный задушевный товарищ, имел большой авторитет среди командиров и бойцов. Я его уважал за его взвешенные обдуманые решения, неторопливость и мудрость, даже перенимал его привычки.

И вот я в 62 дивизии. Эта дивизия тоже входила в состав 31 армии III Белорусского фронта. Пока я ходил да ездил, наши войска продолжали наступать. 21 января передовые части 62 дивизии вступили на землю немецкую – Восточную Пруссию. Бои тут шли ожесточенные, ведь теперь немцы защищали свою землю, а мы шли к ним, как завоеватели.

Проезжаем по той же дороге через Сувалки, через границу, и первый немецкий городок – Растенбург. Вот она, фашистская Германия!

Растенбург близко от границы. 27 января 1945 года передовой отряд, сломив сопротивление противника, овладел городом и прошел по пятам врага еще десять километров на северо-запад. Пал город внезапно. Его жители не успели убежать, работала электростанция, в комендатуре горел свет. С запада в Растенбург спокойно ехали немецкие офицеры связи, автомашины, повозки, и попадали в наши руки.

Растенбург мало пострадал. Дома целые, даже стекла не полопались. Улочки узенькие, тротуарчики – только двоим разойтись. Вся постройка из красного кирпича, крыши домов из красной черепицы. Убежали немцы под напором нашей армии. Всё осталось: скот, старики, старухи, дети. В домах полно одежды, обуви, в подвалах всевозможные колбасы, сыры, варенье, компоты. По улицам ходят лошади и коровы. В нижних этажах домов, как и у нас, магазины и лавочки. Двери открыты, стекла разбиты, товары отсутствуют. Это постарались наши братья-славяне – всё что нужно забирали, что не нужно били и ломали. Это месть за поруганную нашу землю, за убитых и угнанных на каторгу советских людей.

На отдых остановились в большом красивом зале на втором этаже. Зеркала, ковры, много музыкальных инструментов, пианино – всё блестит, отражается, играет разными цветами. Говорили что это ресторан.

Продолжая продвижение, части 62 дивизии овладели опорным пунктом обороны немцев Лангхаим, прикрывавшим подступы к городу Бартенштайн.

Из всех боев, в которых мне пришлось принимать участие, самыми ожесточенными были бои за овладение городом Цинтен. Его немцы называли «северными воротами» к побережью. Цинтен перерезали 6 шоссе и 2 железных дороги. Он был на выгодном для обороны естественном рубеже. Для обороны его немцы сосредоточили большие силы пехоты, артиллерии, танков. Их траншеи проходили по высотам, они держали под перекрестным огнем все ближние подступы.

13 февраля один из полков дивизии протаранил оборону немцев и с хода овладел железнодорожной станцией, перерезав две шоссе и одну железную дорогу. Как только было получено это сообщение, командир дивизии полковник Левин приказал организовать НП (наблюдательный пункт) и оборудовать его связью. С двумя бойцами я отправился на НП. Размотали три катушки кабеля, заняли окоп и включились. Глухо, связи нет. Да и откуда же она будет, если со всех сторон свистят пули, стрекочут пулеметы и автоматы, рвутся снаряды и мины – в общем простреливается каждый клочок земли.

– Садов, пойдем со мной, возьми автомат, кусок кабеля, а ты, Николаев, сиди у телефона и как только появится связь, доложи командиру батальона!

– Есть, товарищ старший сержант, будет сделано, – отвечает Садов.

Иду по ниточке, то есть по проводу, а сзади на небольшом расстоянии Садов с автоматом оберегает меня. И не зря. Недавно немцы из засады схватили трех наших связистов во главе со старшим сержантом Лакомым, моим тезкой, боевым товарищем. Ваня Лакомый, помощник командира линейного взвода, был хорошим боевым товарищем. Будучи ребенком остался без отца и матери, воспитывался в детдоме. В батальоне он пользовался большим уважением за смелость и дерзость. На его груди больше чем у кого-

либо из нас блестело орденов и медалей. Взяли их троих в качестве языков, допрашивали, пытали, и не добившись показаний убили. Нашли их истерзанными, окровавленными, в грязной воронке от снаряда. Такая тактика добычи «языка» стала применяться не только немцами, но и нашими разведчиками.

Бегу, держа в руке провод. Начинаются кусты, потом лес. От кустов и леса остались пеньки – все посечено пулями и осколками. Впереди воронка от разорвавшегося снаряда и конец провода. Бегаю ищу второй конец и не нахожу. Воронка свежая, еще не заполненная водой, а провода нет. Через некоторое время нахожу еще кусок провода и опять обрыв. По знакомому пути бегу дальше, и вот наконец желанный провод. Включаемся в линию. Связь есть. Николаев доложил командиру батальона, дозвонился до ЦТС и вот уже разговаривает с командиром дивизии.

– Обстановка тяжелая. Немцы непрерывно атакуют большими силами. У них пушки на прямой наводке, есть танки. Они на высоте, мы внизу в отдельном каменном сарае. Карандашей (т.е. солдат) мало, необходимо подкрепление.

– Держитесь, поможем, – был ответ полковника.

А немцы атаквали непрерывно и к исходу дня оседлали шоссе, связывающее нас, передовую группу, с основными силами дивизии. Мы оказались в окружении, в тылу у немцев, в «мешке». Заняли круговую оборону. Был дан приказ беречь патроны. Боеприпасов мало, вооружения – три миномета, два пулемета и ни одной пушки. У солдат ограниченное количество патронов, у моих ребят по рожку на автомат. Из окопа пришлось перебраться в сарай с толстыми кирпичными стенами без крыши. Под стенами этого сарая спасались от пуль и осколков, предпринимая обстрел вражеских позиций.

К вечеру стало потише, я решил сходить «по азимуту». Но не успел отойти от сарая, как около меня брякнулась мина. Я упал, подкошенный взрывной волной. Весь левый бок забросало грязью, шинель оказалась в дырах, из левого уха сочилась кровь, в голове шумело.

Всю ночь не прекращалась стрельба, всю ночь горели осветительные ракеты, никто не спал, ожидая утро. Все надеялись, что утром начнется наступление и нас выручат, прорвут кольцо окружения. Телефонная связь не работала, а по радиосвязи постоянно

шли разговоры. Перед рассветом объявили: будет наступление, быть готовыми. С ребятами договорился действовать вместе, выручать друг друга, впустую не стрелять, а при необходимости – короткими очередями.

Рано утром загремели «катюши», заработала полковая артиллерия, минометы, усилился пулеметный и автоматный огонь. Это шли выручать нас наши боевые товарищи, бойцы 62 дивизии. Какое-то время после шквального огня установилась тишина, и в это время вся наша «серая масса» поднялась и с криком «Ура!» двинулась вперед, в море огня. Удивительно легко и свободно, без принуждения офицеров, все мы бежим навстречу смерти.

Бежим вперед, кричим «Ура!», задыхаемся. А фрицы из пулеметов бьют. Через автостраду перебежали броском. Бегу в цепи со всеми, на бегу стреляю. Около меня сержант осел, справа пожилой красноармеец ткнулся головой в землю, за ним, взмахнув руками, с криком упал еще один. С другой стороны тоже прорвали оборону немцев, бегут к нам. Заметались немцы, дрогнули, бросили своих убитых и раненых и попятились к заливу Фриш-Гаф. А мы соединились со своими.

Мы, трое связистов, вышли из этого боя живыми, только вот Витька Николаев был ранен в руку. Все окруженцы довольны и рады, у всех добрые веселые взгляды. Но вид у всех удручающий: лица и руки грязные, шинели испачканные и дырявые от осколков и пуль, сами осунувшиеся после бессонной ночи.

В ночь на 15 февраля нашим стрелковым полкам удалось полностью сбить немцев с шоссе, ворваться в город, восстановить положение и овладеть юго-западной частью Цинтена. Начались бои за центр города. В центре наиболее укрепленными очагами сопротивления были водонапорная башня и костел, на которых противник сосредоточил большую огневую мощь и обстреливал наступающих. В толстых каменных стенах имелись многочисленные амбразуры, из которых кроме огня автоматов велся пулеметный и артиллерийский огонь. Во всех подразделениях было много убитых и раненых. Вывозили их с места боев ночью, когда стихал бой и прекращалась перестрелка.

Борьба за Цинтен продолжала оставаться чрезвычайно напряженной, не ослабевая ни на минуту. Наступали наши, просачивались к нам в тыл немцы. Иногда не знали где немцы, где наши –

сплошной обороны не было. Кто по кому стрелял тоже было неизвестно, потому что обстановка очень быстро менялась. Куда ни пойдешь, куда ни помотри, везде стрельба, рвутся снаряды и мины. Трудно представить, как выжили в этом сплошном кровавом месиве, в этой страшной мясорубке.

Части нашей дивизии, понесшие в уличных упорных боях большие потери в личном составе и технике, были заменены и 17 февраля вышли из боя. Остановились под Цинтенем на пополнение и короткий отдых. Через несколько дней Цинтен – «северные ворота» Германии – пал.

К концу февраля 1945 года войска III Белорусского фронта прижали противника к заливу Фриш-Гаф. В руках немцев оставался участок побережья в 12 x 50 км с тремя опорными пунктами: справа – Бранденбург, в центре – Хайлигенбайль, слева – Браунсберг. Отступавший враг всё что мог с собой увезти стянул из Центральной Пруссии к побережью. Сотни вагонов с оборудованием, продовольствием, товарами, тысячи автомашин, лошадей и повозок с беженцами ждали эвакуации.

Под Цинтенем наша дивизия получила пополнение, особенно потрепанные стрелковые полки и артиллеристы. Опять привели в порядок боевую технику, а мы, связисты, кабеля и аппаратуру; помылись, побрились, написали домой письма, отправили посылки из захваченных трофеев. За всё время нахождения в Восточной Пруссии и центральной Германии я послал четыре вещевых посылки. В их составе было два хороших шерстяных костюма, свитер, два пальто женских, рубашки. Всё это после войны ох как пригодилось: не будь этого, долго пришлось бы ходить в солдатских брюках и гимнастерке.

И опять я в боях в направлении на Хайлигенбайль. Упорные бои продолжались день и ночь. Особенно тяжелыми они были за фольварк Ворваген и высоту 62,2. Это был сильно укрепленный пункт. Толстые каменные стены его строений надежно укрывали гарнизон от огня нашей артиллерии. Немецкие офицеры брали расписки от солдат, что они будут стоять насмерть на обороняемом рубеже. За спиной немецких солдат стояли части полевой жандармерии (это мы обнаруживали не впервые), они беспощадно расстреливали всех за попытку оставить боевой рубеж.

Отражая по несколько атак в сутки, бойцы и офицеры дивизии, поддерживаемые огнем артиллерии и минометов, танков, гвардейских минометов и штурмовых групп авиации, упорно продвигались вперед. Фольварк Ворваген был в полном смысле сметен с лица земли. Остался битый кирпич и головешки. В этом бою погиб командир стрелкового полка подполковник Ким Федор Иванович, а раньше на несколько дней – начальник штаба артполка майор Карцев и командир артдивизиона майор Корвелестов.

Пятого марта в ночном бою мы овладели перекрестком автомагистрали Кенигсберг-Эльбинг. Стремясь любой ценой вернуть утерянные позиции и восстановить движение, противник предпринимал неоднократные контратаки с танками. Мощные залпы гвардейских минометов быстро отрезвляли пьяных пруссаков. В этом бою 11 марта 1945 года на рубеже Гросс-Клингбек погиб командир дивизии полковник Ордановский Александр Яковлевич.

13 марта после артподготовки, при поддержке авиации и танков началось решительное наступление. В ночной атаке был захвачен Грюнвизе. Продвигаться было очень трудно по вязкой глине, размытой водой, через многочисленные речки и ручейки. Уже близко было море, то есть залив Фриш-Гаф. Он просматривался невооруженным глазом. Наша авиация и артиллерия беспрерывно бомбила и обстреливала этот небольшой клочок земли. Горели машины, повозки, дома, бегали люди в этом копошащемся горящем месиве, ржали, бегая, лошади. Десятки, сотни немцев и немок, не попавшие на пароходы, пускались в опасное для жизни плавание на лодках и плотях, боясь справедливого возмездия.

Дом за домом, улица за улицей переходил Хайлигенбайль в наши руки. Вот и зеленые волны залива Фриш-Гаф. Над тысячами трупов немецких солдат и офицеров, до последнего момента оказывавших отчаянное сопротивление, прозвучал стихийно возникший на поле боя воинский салют.

Бежим к берегу залива, чтобы зачерпнуть горсть воды – так трудно доставшейся воды залива Фриш-Гаф, где плавали разбитые в щепки лодки, плоты и трупы, трупы, трупы...

И много пленных солдат и офицеров. Ходим по домам и вылавливаем их, вытаскиваем из подвалов и чердаков. С Васькой Сысоевым, тоже связистом, привели на сборный пункт шестерых гитлеровцев.

– Хенде хох! – то и дело звучит вокруг.

– Гитлер капут, – отвечают с дрожью в голосе немцы, бросают оружие и поднимают руки вверх. Кто не сдается, на месте уничтожаем.

Веселые, радостные ходим по Хайлигенбайлю. Кончилась война в Восточной Пруссии, враг повержен. Почти вся Восточно-Прусская группировка немцев уничтожена, взяты большие трофеи.

Велика радость победы, но и тяжелы потери: много убитых и раненых. В боях за Восточную Пруссию погиб командующий III Белорусским фронтом генерал армии Черняховский. Похоронен он в г. Вильнюс Литовской ССР, там ему поставлен памятник. Не обошлось без потерь и в 173 Оршанской стрелковой дивизии. Под Цинтенгом погибла телефонистка Вера Стулова, а Рая Маклакова была ранена. За отличные боевые действия дивизия была отмечена благодарностью Верховного Главнокомандующего, маршала Советского Союза тов. Сталина в приказе от 29.03.45.

Короткий отдых в Хайлигенбайле. Хайлигенбайль – небольшой городок. Дома разные – есть одно и двухэтажные, типа дач, есть и пятиэтажные. Пришлось посмотреть как жили немцы, побывать не в одном доме. Везде беспорядок. Убегали немцы переворотив скарб и забрав все ценное. Видны следы братьев-славян, dokonчивших картину разрухи и кое-что прихвативших. Но и нам осталось. В гардеробах висели костюмы, свитера, рубашки и многое другое. Сбором трофеев занимались все – солдаты и офицеры. Последние еще в больших размерах. Они брали автомашины, мотоциклы, повозки и загружали их кипами материалов, белья, трикотажа, посуды, обуви, одежды, музыкальных инструментов (баяны, аккордеоны) – всё что можно было увезти домой на родину.

Война в Восточной Пруссии – особая страница в моей военной жизни. Озлобленные мы вступили на землю врага. У каждого был счет к фашистам за прерванный мирный труд, за сожженные города и села, за убитых и раненых родных, за увезенных в рабство... И началась месть, а с ней мародерство. В первом немецком городке все магазины опустошили, разбили стекла, зеркала, рамы, двери. То же самое продолжалось в Гольдапе, Летденсе, Хайльберге, Ландсберге, в малых городах и господских дворах. Было где приложить силу русскому Ивану.

Восточная Пруссия – обустроенный ухоженный край, кормилица всей Германии. Ее населяли, в основном, бауэры – богатые помещики-земледельцы и животноводы. Тут были в большинстве небольшие поселения типа хуторов – господские дворы, роскошные дома со всевозможными хозяйственными постройками. Строено на века – стены толстые, электричество, вода, канализация повсеместно. По всей территории густая сеть железных и шоссейных дорог, обсаженных по краям деревьями.

Пройдя всю страну с боями, мы не видели местного населения. Немцы боялись возмездия и убегали. Лишь изредка в подвалах, в бункерах находили дряхлых стариков и старух. Как ни старались наши враги всё вывезти или спрятать, это им не удалось. Находили закопанное в земле. В одном из сараев под слоем разного скарба обнаружили тайник. Под слоем земли оказалась посуда, книги, пишущая машинка. В подвалах находили колбасу, сало, консервы, компоты, соки, вино. Тут мы наелись и напились досыта. И приделались, сбросив ненавистные надоевшие двухметровые обмотки и тяжелые кирзовые сапоги. Одели немецкие хромовые и вооружились получше. Кроме автомата у меня появился маузер и несколько штук наручных часов.

С часами особая история. Будучи в Германии, в одном из походов я наотбирал у немцев, возвращавшихся к своим домам, полную полевую сумку всевозможных часов. Подъехав к движущейся колонне с автоматом наизготовке, потребовал от них: «Ур! Отдайте ур!» – и они послушно отдавали. Никаких возражений и сопротивлений. Потом, когда сел на велосипед и поехал в батальон, понял как сильно рисковал. Во-первых, я был один, а их было около тысячи, во-вторых, они меня окружали, сдавая часы, и в это время могли пристукнуть. И никто не узнал бы, где погиб. Но тогда я был смел, не боялся ничего, и это видимо передавалось моим пленным немцам.

В малой Германии, то есть в Восточной Пруссии, враг был разбит и уничтожен, но еще была основная Германия. После короткого отдыха, 2 апреля 1945 года на станции Коршен мы стали грузиться в вагоны, чтобы отправиться добивать проклятого «зверя в его берлоге». Погрузка в «телячьи» вагоны шла быстро и организованно. Входили солдаты с личным оружием, вещмешками, шинелями, телефонными аппаратами, кабелем. Коммутаторы везли тоже в

вагоне. Для лошадей и офицеров были отдельные вагоны. Авто-транспорт и артиллерия на автотяге двигались своим ходом.

Пол месяца продолжалась переброска нашей дивизии на I Украинский фронт. В вагоне молодые, задорные, здоровые ребята-фронтовики. Перепели все песни: «Катюшу», «На позицию девушка провожала бойца», «Темная ночь», «Про Мишку-моряка» и много-много раз мою любимую:

Когда на фронт я уходил
В далекие края,
Платком взмахнула у ворот
Моя любимая!

Пели «Священную войну», украинские песни: «Ой ты Галю, Галю молодая», «Посияла огирочки» и много-много других, а также частушки; иногда любители пускались в пляс. Плясали «Цыганочку», «Русскую», топали и хлопали. В это время забывались кровавые бои, в памяти появлялись хорошие воспоминания о жизни на гражданке.

20 апреля стрелковые полки и спецподразделения, следовавшие железнодорожным транспортом, сосредоточились в районе города Бунцлау, в четырех километрах южнее, в составе 31 армии I Украинского фронта. Находясь здесь, мы узнали что наши войска заняли Берлин, что Гитлер покончил жизнь самоубийством, немецкая армия разгромлена и деморализована.

Но для нас война не закончилась. В ночь на 3 мая дивизия совершила марш и приняла полосу обороны от 373 стрелковой дивизии 52 армии. Через несколько дней наши полки вступили в бой на участке Обер Лангенау и начали преследование противника. Сбивая отдельные заградительные группы немцев, в ночь на 9 мая наши бойцы вступили на территорию Чехословакии и освободили чехословацкие города Яблонец, Железный Брод, Турнов и другие населенные пункты. Население Чехословакии горячо приветствовало воинов и офицеров, приглашали освободителей в свои дома, угощали, устраивали массовые гулянья.

Не забыть, как строем шли по Праге, ее главной улице, а на тротуарах, балконах домов и даже на крышах стояли радостные люди, бросали цветы и кричали:

– Наз-дар!!!

– Наз-дар! Наз-дар! Наз-дар! – по-русски «здравствуйте».

Тысячи голосов сливались в один сплошной гул. Радостные лица, улыбки сопровождали нас. Некоторые пражане плакали от счастья, другие угощали пивом, печеньем, пирожными. У многих в руках цветы, цветы на дороге, в цвету яблони и вишни, в зеленом наряде вся Прага. Это – весна, это – очищение земли от скверны, это – наша Победа, которую ждали долгие четыре года.

9 мая всесоюзное радио передало сообщение о капитуляции Германии и прекращении военных действий. И началось невообразимое. Стреляли, кричали, целовались, плакали. Радость была огромная, неизъяснимая, неопишуемая.

Но для нас война не кончилась. Оказалось, что немцы сдались не все, не сложила оружия целая армия под командованием генерала Шерера. Нас направили на ее уничтожение, выполняя известную формулу: «если враг не сдается, его уничтожают». 9 мая начали прочесывание лесов и прилегающих к автомагистрали населенных пунктов, где скрывались немецкие солдаты и офицеры, переодетые в гражданское платье. Армия генерала Шерера была хорошо вооружена, имела танки и самоходки, артиллерию и минометы. Два дня продолжались ожесточенные бои. Казалось началась опять война. Противник предпринял мощный артобстрел. Снаряды рвались около нашей ЦТС. Связь с полками прекратилась, все прохода перебиты. И вдруг страшный удар потряс всю ЦТС, меня отбросило в сторону и я упал...

19 мая 1945 года 62 дивизия сосредоточилась в чехословацком населенном пункте Шонвальдау, а 173 в селении Хай. Тишина. Непривычная тишина. Ни самолетов, ни грохота танков, ни стрельбы из минометов, пушек, автоматов. Теперь-то кончилась война. Можно расслабиться, отдохнуть. Все это почувствовали, солдаты и офицеры. Ходим без опаски, в свободное время купаемся и загораем, офицеры вроде стали жалеть солдат. В распоряжении батальона встречаю комбата Архипова. Подходит ко мне и спрашивает:

– Старший сержант, какие у вас есть награды?

– Медаль «За боевые заслуги» и орден «Красная Звезда», товарищ майор!

– Вы всю войну прошли с 173 и 62 дивизиями?

– Да, товарищ майор, с начала организации 173, а вернее 135 Вологодской стрелковой бригады.

– Как вы чувствуете себя после контузии?

– Сейчас лучше, скоро буду дежурить на коммутаторе и давать связь.

– Я вас представил к награде, старший сержант, за бой в Восточной Пруссии и Чехословакии.

И не по-военному, а от всего сердца я ответил майору Архипову:

– Спасибо за оценку моей службы!

Он подошел ко мне, попросту пожал руку, сказал:

– Война кончилась, скоро поедешь домой.

– Да, товарищ майор, видимо скоро.

Война кончилась. Это уж точно. Остался жив, а как – и сам не знаю. Смерть ходила за мной по пятам. Мог погибнуть под Ленино, в Орше, в Минске, а в восточной Пруссии это уж наверняка. В Чехословакии не знаю как уцелел. Когда вернулся домой, рассказал матери, а она и говорит:

– Днем и ночью молилась за тебя чтобы не погиб, просила бога, чтобы сберег.

И я верю: молитвы матери помогают.

Выжил, а другие погибли – те, что рядом со мной были. Не убегал с поля боя, не прятался за чужую спину, не притворялся дурачком или больным. Не смог сохранить моих боевых друзей, защитить от пуль и осколков, от неминуемой смерти. Это было не в моих силах. Иногда говорят: «Кто был на передовой, тот погиб. Значит ты не был там». Да, Гитлер не мог меня убить, силенок у него не хватило, а вот крови он мне много попортил. И таких как я много. По данным на 1 января 1991 года нас, фронтовиков, числилось живыми более пяти миллионов человек. Не инвалиды мы, нет у нас красных книжек, но у всех у нас в сердцах память о минувшей войне, потерянное здоровье. И я рад, что среди многих миллионов участников войны довелось защищать родину и на какой-то небольшой отрезок времени своими действиями приблизить день Победы.

Вскоре появились слухи, что мы совершим пеший переход на большое расстояние из Чехословакии в Венгрию. Слухи эти стали подтверждаться – все готовились к походу. В одно из ночных

Военная фотография – единственная в домашних архивах И.М. Ульянова.

дежурств, когда устанавливается тишина и почти нет звонков, я позвонил на ЦТС 36 корпуса и попросил соединить с хозяйством Ка-
тюшина, то есть со 173 стрелковой дивизией, предварительно узнав
позывной.

– Алло, алло, Вишня!

– Вишня слушает! – отвечает в трубку приятный молодой
голос, в котором сразу же узнаю мою подругу Раю Маклакову. По-
сле взаимных приветствий разговор о жизни:

– Почему мне долго не писала? – спрашиваю Раю.

– Под Цинтенем меня ранило в ноги, лежала два месяца в
госпитале. Когда стали переезжать в Германию, убежала из госпи-
таля.

– Как сейчас, зажили ли раны?

– Всё заросло, хоть пляши! – слышу ответ.

– У нас говорят что будет большой марш.

– У нас тоже говорят. У тебя есть мой домашний адрес?

Пиши!

– Есть, буду писать! Уже звонят, выключаюсь!

Как говорили, так и получилось. Марш состоялся. Пешком, в полном походном снаряжении, прошли по Германии, Австрии, Венгрии – всего 600 километров. Шагали в основном вечером и рано утром, когда бывает нежарко. В походной колонне был духовой оркестр. Он ехал на машине и в каждом селении встречал нас музыкой, играя, в основном, «Марш славянки». На улицу выходили жители деревень и городов, смотрели на нас, русских победителей-богатырей.

Сколько за войну пришлось пройти – не сосчитаешь! От Москвы до Восточной Пруссии, всё на ногах да еще и не по прямой – то вперед, то назад, то вбок. Походили по Чехословакии и вот путь в Венгрию. За войну побывал в Польше, Восточной Пруссии, Германии, Австрии, Венгрии.

И вот небольшой венгерский городок Надьканижа. Теперь я в 34 батальоне связи 25 Синельниковско-Будапештской гвардейской стрелковой дивизии. Сначала командиром отделения, а затем писарем-каптенармусом. В Надьканиже долго не пришлось быть. Вскоре 25 гвардейская была передислоцирована на Украину в г. Пирятин.

Сразу же после войны началась демобилизация. В первую очередь увольняли женщин и стариков. Потом была вторая очередь, которая оборвалась на 1918 году, мой 1919 год не попал. А как хотелось домой! Хорошо в зарубежных странах, прекрасно на Украине, но родина лучше всех! Справедливо в песне написано, которую мы часто распевали:

Много верст в походах пройдено
По земле и по воде,
Но любимой нашей Родины
Не забыли мы нигде!

С особым чувством пели двестише:

Хороша страна Болгария,
А Россия лучше всех!

И вот радостная весть: 20 марта 1946 года появился указ Президиума Верховного Совета СССР о демобилизации военнослужаших 1919–1922 годов рождения. 20 мая 1946 года я демобилизовался из армии.